X-63
B17/513
Лилеев М.
Изъ „Рус. Ис." II, №19 L X

ПУБЛИЧНАЯ РѢЧЬ

ПО СЛУЧАЮ СТОЛѢТНЕЙ ГОДОВЩИНЫ СО ВРЕМЕНИ РОЖДЕНІЯ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

Краткій историческій очеркъ царствованія Александра I (1801—1825 гг.).

Изъ № 1-го Черниговскихъ Епархіальныхъ Извѣстій 1878 года.

ЧЕРНИГОВЪ.
Губернская Типографія.
1877.

B17 513

ПУБЛИЧНАЯ РѢЧЬ

по случаю столѣтней годовщины со времени рожденія Государя Императора Александра I*).

Краткій историческій очеркъ царствованія Александра I (1801—1825 гг.).

В. П. М. Г.

Ровно сто лѣтъ тому назадъ, 12-го декабря 1777 года, въ громкое время побѣдъ Великой Екатерины, отъ сына ея Павла Петровича и его второй супруги Маріи Ѳеодоровны, матери царей русскихъ, благотворительницы страждущихъ, оставившей по себѣ въ лѣтописяхъ Россіи незабвенныя воспоминанія, родился сынъ Александръ, прозванный исторіей *Благословеннымъ*. Велика была радость его августѣйшей бабки, по поводу его рожденія, и вся Россія раздѣляла эту радость, видя въ немъ своего будущаго вѣнценосца. «Будь на тронѣ человѣкъ!» восклицалъ вдохновенный Державинъ, изображая колыбель порфироднаго отрока, окруженную геніями, которые принесли царственному младенцу дары ума, добра, науки и просвѣщенія. Черезъ 25 лѣтъ Россія радостно увидѣла исполненіе предсказаній поэта. Императоръ Александръ былъ по преимуществу человѣкъ, въ высокомъ смыслѣ этого слова, а потомъ уже государь. Природа одарила его нѣжною, воспрі-

*) Произнесена на публичномъ актѣ въ залѣ Черниговской духовной семинаріи.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
622536.V

имчивою ко всему высокому душею, а воспитаніе, на которое самое существенное вліяніе оказалъ республиканецъ Лагарпъ, оплодотворивъ его принципами человѣколюбія и свободомыслія, согласно общему направленію второй половины XVIII в., еще болѣе укрѣпило эти природныя свойства его души. Эта нѣжно организованная и уже отъ юности мечтательная личность была подвергнута судьбою самымъ тягостнымъ испытаніямъ и самому упорному напряженію силъ, при выполненіи своей политической роли. Вообще личность Императора Александра исполнена высокаго драматизма и достойна глубокаго изученія психолога, точно также какъ его царствованіе конечно послужитъ цѣлой наукой для изученія политики и государственнаго управленія.

12-го марта 1801 г. на русскій престолъ вступилъ любимый внукъ Великой Екатерины—Александръ. При вступленіи своемъ на престолъ, онъ объявилъ, что принимаетъ обязанность управлять по законамъ и по сердцу бабки своей, шествовать по ея премудрымъ предначертаніямъ. Уваженіе къ памяти Екатерины поднялось чрезвычайно сильно въ царствованіе Павла I, и Александръ ни чѣмъ не могъ такъ обрадовать свой народъ, какъ обѣщаніемъ подражать «премудрой матери отечества». «Сравнивая всѣ извѣстныя намъ времена Россіи, едва ли не всякій изъ насъ скажетъ, что время Екатерины было одно изъ счастливѣйшихъ для Россіи, едва ли не всякій изъ насъ пожелалъ бы жить тогда». Эти слова, написанныя Карамзинымъ въ 1811 г., какъ нельзя больше шли ко времени, предшествовавшему воцаренію Александра I. Новый императоръ, въ исполненіе своего обѣщанія, на первыхъ же порахъ дѣйствительно возстановилъ многое въ томъ

видѣ, какъ оно было до 1796 г., и во внѣшней политикѣ, во время борьбы съ французскою имперіею, за исключеніемъ Тильзитской системы, Александръ шествовалъ «по премудрымъ намѣреніямъ Екатерины». Но одно царствованіе никогда не можетъ быть сколкомъ съ другаго. Личный характеръ царствующаго лица, его воспитаніе и условія времени служатъ тому препятствіемъ. Время, въ которое совершилось воспитаніе Александра I, отличалось стремленіями къ общему, отвлеченному; толкуя о человѣкѣ и человѣчествѣ, не обращали должнаго вниманія на народъ и его исторію, и только французская революція, показавшая несостоятельность примѣненія общихъ идей къ живому, исторически образовавшемуся народному тѣлу, до насилія первой французской имперіи, произвели реакцію, повели къ поднятію вопроса о народности и народностяхъ, возбудили должное уваженіе къ народной личности, къ ея правамъ и къ процессу ея образованія посредствомъ исторіи. Событія, происходившія на западѣ Европы въ концѣ XVIII в., приковали къ себѣ вниманіе всѣхъ живыхъ людей, должны были приковать къ себѣ и вниманіе живого, воспріимчиваго, энергическаго Александра и, въ возрастѣ самомъ впечатлительномъ, опредѣлили главное направленіе его послѣдующей дѣятельности. Ставъ Императоромъ, Александръ I долженъ былъ принять дѣятельное участіе въ великой и продолжительной борьбѣ, отъ рѣшенія которой зависѣла участь Европы, а это, разумѣется, постоянно отвлекало его вниманіе отъ внутренняго ко внѣшнему, отъ своего, отъ національнаго, къ общему, чужому. Такимъ образомъ все содѣйствовало тому, чтобы сдѣлать Александра способнымъ играть великую роль на сценѣ всемірной исторіи; но при этомъ, какъ обыкновенно

бываетъ, свое, частное, національное, служило не всегда цѣлію, а иногда и средствомъ только.

Начало царствованія Александра ознаменовано многими благодѣтельными мѣрами, имѣвшими значительное вліяніе на оживленіе внутренней жизни Россіи и на умственную жизнь русскаго общества. Такъ, новый Императоръ далъ просторъ умственному движенію въ Россіи, ослабивъ цензуру издаваемыхъ у насъ сочиненій, допустивъ опять привозъ иностранной печати и дозволивъ открыть частныя типографіи, запечатанныя при Павлѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ облегчилъ русскимъ подданнымъ выѣздъ заграницу и пріѣздъ иностранцамъ въ Россію; отмѣнилъ разныя повинности и запретительныя правила, стѣснявшія сельскую промышленность и пр. Изъ общихъ мѣръ, доказывавшихъ мягкость новаго царствованія, были самыми важными—полная отмѣна тайной канцеляріи, пытокъ и многое другое. Въ эту же пору Императоръ Александръ, воспитанникъ Лагарпа, окруженный молодыми сподвижниками, мечталъ о пересозданіи внутренняго строя общественно-государственной жизни и о водвореніи въ Россіи тѣхъ правительственныхъ порядковъ, образцы которыхъ были уже подготовлены на западѣ Европы. Главными сподвижниками его на первыхъ порахъ въ дѣлѣ преобразованій были друзья его юности: Н. Н. Новосильцевъ, графъ В. П. Кочубей, князь Адамъ Чарторыйскій и графъ П. А. Строгановъ. Изъ нихъ образовался негласный комитетъ, неточно прозванный современниками тріумвиратомъ, не имѣвшій никакого оффиціальнаго значенія, но занимавшійся обсужденіемъ самыхъ важныхъ государственныхъ дѣлъ, и которому самъ Императоръ въ шутку далъ прозваніе Comité du salut public. Сподвижники

эти были люди очень образованные, обладавшіе замѣчательными способностями и отличавшіеся либеральнымъ образомъ мыслей. Всѣ они провели по нѣсколько лѣтъ въ Англіи и были знакомы съ политическими учрежденіями этой страны. Имъ казалось возможнымъ водворить нѣчто подобное въ Россіи, и въ этомъ отношеніи они возлагали большія надежды на Императора Александра. Главнымъ недостаткомъ этихъ приближенныхъ Императора была крайняя ихъ неопытность; никто изъ нихъ не имѣлъ случая хорошо ознакомиться съ своимъ отечествомъ, облагодѣтельствовать которое они собирались. Между тѣмъ задача, предпринятая ими, была нелегка: дѣло шло ни болѣе, ни менѣе какъ о томъ, чтобы начать реформу всѣхъ различныхъ частей администраціи и, наконецъ, увѣнчать свой трудъ составленіемъ уложенія, по образцу лучшихъ конституцій, существовавшихъ въ западной Европѣ. Главнѣйшіе вопросы, занимавшіе комитетъ, были слѣдующіе: устройство сената, мѣры для облегченія участи крестьянъ и, наконецъ, система народнаго образованія. Къ нимъ присоединялось много другихъ, потому что Императоръ Александръ имѣлъ обыкновеніе совѣтоваться съ своими приближенными о всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ недоразумѣніяхъ, возникавшихъ въ управленіи.

Намѣренія правительства въ это время казались весьма либеральными. Самъ Императоръ постоянно говорилъ о необходимости установить точнѣе предѣлы власти, долго колебался подтвердить грамоту дворянства «вслѣдствіе исключительности ея правъ»; въ проектахъ различныхъ манифестовъ избѣгалъ выраженія «наши подданные», и требовалъ чтобы вмѣсто него было поставлено «русскіе подданные». Во всемъ этомъ нельзя

не видѣть вліянія французскихъ идей той эпохи,—оно проявлялось вообще и въ способѣ осуществленія задуманныхъ реформъ. Не трудно замѣтить, что, не смотря на незначительное разстояніе во времени, цѣлая пропасть легла уже между тогдашней Россіей и Россіей Екатерины II. Все показывало, что она была далека отъ той эпохи, когда великая монархиня, задумавъ пересоздать внутреннее устройство Россіи, обратилась къ самому русскому обществу, для того чтобы узнать его потребности, желанія, чтобы изъ живаго источника заимствовать указаніе для разрѣшенія важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ. Люди, окружавшіе Императора Александра, держались, повидимому, другаго взгляда; лозунгомъ ихъ было: все для общества, но ничего при участіи самого общества; даже ограниченіе предѣловъ власти, о которомъ они говорили съ большею охотою, долженствовало имѣть свои корни не въ самодѣятельности общественныхъ силъ, а въ болѣе или менѣе искусной комбинаціи правительственныхъ учрежденій; если прибавимъ къ этому, что Россія имъ почти вовсе была неизвѣстна, то можно ли удивляться, что результаты во все несоотвѣтствовали пышнымъ начинаніямъ? Справедливость требуетъ сказать, что если сознаніе необходимости измѣненія стараго порядка было полное и разумное, то мысль, какимъ образомъ возсоздать новое государственное устройство на развалинахъ стараго, не вполнѣ выяснилась тогдашнимъ дѣятелямъ.

Гораздо плодотворнѣе и богаче по своимъ практическимъ результатамъ была преобразовательная дѣятельность сравнительно позднѣйшаго сподвижника Александра I, извѣстнаго Сперанскаго, бывшаго душею всѣхъ нововведеній, по административной, законодательной и финансовой частямъ, въ пері-

одъ 1807—1812 гг. Сдѣлавшись извѣстнымъ Государю въ то время, когда Императоръ безпрестанно помышлялъ о лучшемъ устройствѣ управленія въ Россіи, Сперанскій часто бесѣдовалъ съ нимъ по этому дѣлу; изъ стократныхъ, можетъ быть, разговоровъ, замѣчаетъ Сперанскій, надо было составить цѣлое, и онъ смѣло принялся за работу. Необыкновенно дѣятельный и энергичный, Сперанскій, въ тоже время, обладалъ многосторонними знаніями и одаренъ былъ способностью создавать, чего недоставало его предшественникамъ, дѣло которыхъ онъ продолжалъ. Въ отношеніи управленія, онъ отдавалъ предпочтеніе французской системѣ, созданной Наполеономъ, и былъ въ то время главнымъ представителемъ такъ называемыхъ Наполеоновскихъ идей, вопреки тогдашнему патріотическому настроенію нашего русскаго общества. По проектамъ Сперанскаго, была усилена степень образованности среди гражданскихъ чиновниковъ установленіемъ научныхъ для нихъ испытаній при полученіи чиновъ VIII—V классовъ; была уничтожена привиллегія лицъ, отличаемыхъ почетными придворными званіями—получать вмѣстѣ съ ними и чины, присвоенные только дѣйствительной службѣ. Въ октябрѣ 1809 г. имъ былъ представленъ Государю планъ новаго преобразованія государственнаго управленія во всѣхъ его частяхъ, отъ кабинета Государева до волостнаго правленія, въ основу котораго онъ положилъ сосредоточеніе дѣлъ въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ (централизація) и въ рукахъ высшихъ правительственныхъ лицъ (бюрократія). Однако изъ плана Сперанскаго осуществлены были только статьи объ учрежденіи государственнаго совѣта и министерствъ, существующихъ почти неизмѣнно до настоящаго времени, не только

въ главныхъ началахъ, но и во всѣхъ подробностяхъ. Изумительная дѣятельность этого человѣка касалась почти всѣхъ отраслей государственнаго управленія, и почти всюду, чего только касалась она, вносила или новую жизнь, или новое оживленіе. Съ паденіемъ его въ 1812 г. остановилось дальнѣйшее движеніе реформъ по части внутренняго государственнаго управленія.

Самымъ яркимъ признакомъ новаго и лучшаго времени служатъ тѣ дѣятельныя мѣры для народнаго образованія и просвѣщенія, которыми началось царствованіе Александра I, и плоды которыхъ обнаруживаются все сильнѣе и сильнѣе съ каждымъ новымъ поколѣніемъ.

Во времена Александра I, въ этомъ отношеніи, довершено дѣло, начатое Петромъ Великимъ. Петръ Великій ввелъ къ намъ европейскую науку и далъ ей пріютъ на окраинѣ обширнаго государства въ новосозданной академіи наукъ. При преемникахъ Петра наука перенесена въ самое сердце Россіи: учрежденъ университетъ въ Москвѣ и открыты народныя училища въ различныхъ мѣстностяхъ. Но мѣры для заведенія училищъ не обѣщали продолжительнаго и прочнаго успѣха, пока не было разсадниковъ, откуда бы могли выходить дѣятели съ запасомъ силъ и знаній, съ готовностью и умѣньемъ послужить дѣлу народнаго образованія во всѣхъ краяхъ нашего отечества. Учрежденіе университетовъ открыло путь для развитія народной образованности и дало вѣрный залогъ для ея безостановочнаго движенія. При Александрѣ I, университеты открыты въ Харьковѣ и Казани, преобразованны въ Москвѣ, Вильнѣ и Дерптѣ; данъ новый уставъ академіи наукъ и духовнымъ академіямъ съ семинаріями и училищами;

открыто нѣсколько лицеевъ; организована цѣлая система учебныхъ заведеній—отъ университетовъ до приходскихъ школъ. Устроивая дѣло народнаго, и просвѣщенія, Александръ рѣшился слѣдить за его ростомъ, и колыбель его окружилъ своими избранниками съ полнымъ довѣріемъ къ ихъ уму и необходимой для новаго дѣла энергіи. Выборъ его палъ съ одной стороны на лица, прославившіяся во времена Екатерины, съ другой—на друзей его юности, отчасти указанныхъ ему также Екатериной. Во главѣ образованнаго тогда министерства народнаго просвѣщенія поставленъ былъ графъ П. В. Завадовскій, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей Россіи XVIII и начала XIX в., сынъ простого козака Черниговской губерніи; съ нимъ работали: Новосильцевъ, Строгановъ, графъ Потоцкій, академики: Фуссъ, Румовскій и др.

Въ царствованіе Александра I не была забыта и литература. Черезъ нѣсколько дней по вступленіи на престолъ Императора Александра обнародованъ былъ указъ, въ которомъ сказано: «желая доставить всѣ возможные способы къ распространенію полезныхъ наукъ и художествъ, повелѣваемъ: запрещеніе на впускъ изъ-заграницы всякаго рода книгъ и музыки отмѣнить, равномѣрно запечатанныя частныя типографіи распечатать, дозволяя какъ привозъ иностранныхъ книгъ, журналовъ и прочихъ сочиненій, такъ и печатаніе оныхъ внутри государства» *). Благодѣтельное дѣйствіе этого указа на оживленную литературу и на мыслящее общество оцѣнено было и современниками эпохи, которую можно бы назвать эпохою возрожденія въ исторіи внутренней жизни Россіи, какъ напр.

*) Полное собраніе законовъ Т. XXVI, № 19807.

Шторхомъ, трудъ котораго служитъ однимъ изъ самыхъ важныхъ пособій при изученіи вѣка Александра I *). Современники говорятъ, что съ воцареніемъ Александра всѣ почувствовали какой-то нравственный просторъ, взгляды сдѣлались у всѣхъ благосклоннѣе, поступь смѣлѣе, дыханіе свободнѣе. Много литераторовъ—говоритъ Вигель—существовало непримѣтнымъ образомъ, скрываясь по деревнямъ, какъ бы ожидая «назначеннаго часа: онъ пробилъ 12-го марта. Я былъ тогда въ Москвѣ, и помню этотъ часъ: откуда что взялось? какъ будто изъ земли выросло. Все съ истиннымъ, равнымъ восторгомъ, хотя и не съ равнымъ искуствомъ, пустилось привѣтствовать и славословить Александра, все кинулось, кто къ трубамъ и лирамъ, кто къ балалайкамъ и гудкамъ, принимая одни за другія, все загремѣло, запѣло, заиищало. Одинъ одамъ счету не было». Литература снова заговорила языкомъ временъ Екатерины и по прежнему находила широкое покровительство при дворѣ. Служащіе получали за свои литературные труды чины, ордена и пенсіи; не служащіе—перстни и другіе подарки значительной цѣнности или деньги на напечатаніе ихъ трудовъ; часто государь приказывалъ полезныя рукописи печатать на счетъ своего кабинета и за тѣмъ дарилъ все изданіе авторамъ. Сумма, употребленная кабинетомъ Государя за одинъ 1802 г. на денежныя пособія литераторамъ, простиралась до 160 т. р. Покровительство монарха оживило и разширило литературную дѣятельность; появились журналы, газеты, литературные сборники и литературныя общества. Тогда образовались извѣстные и до настоящего времени журналы: Вѣстникъ Европы—Карамзина, Русскій Вѣст-

*) Storch; Bussland unter Alexander dem Ersten. 1804. Ч. I. стр. 134 и др.

никъ—извѣстнаго патріота Глинки, журналъ министерства народнаго просвѣщенія и пр.

Исторія царствованія Александра I далеко не ограничивается одними внутренними реформами и многими затронутыми въ его время предначертаніями, изъ которыхъ большая часть разрѣшены только въ настоящее, богатое внутренними реформами, царствованіе. Главное значеніе его во всемірной исторіи основывается на успокоеніи Европы отъ властолюбивыхъ замысловъ Наполеона I, владычество котораго, въ то время, распространилось почти надъ всей западной Европой и грозило дальнѣйшимъ расширеніемъ на востокъ.

Никогда еще Европа не переживала такого страшнаго времени, какъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX в., когда она должна была вести ожесточенную борьбу съ завоевательными стремленіями Франціи. Выдерживала она и прежде много крутыхъ переворотовъ и вела опасныя войны за независимость, сначала противъ стремленій Габсбургскаго дома, потомъ противъ честолюбивыхъ замысловъ Людовика XIV; но всѣ эти явленія не были такъ опасны, не требовали такого напряженія силъ, какъ борьба за независимость противъ революціонной и императорской Франціи. Опасность главнымъ образомъ заключалась въ сильномъ возбужденіи, полученномъ отъ революціи Французами, народомъ и безъ того самымъ подвижнымъ и воинственнымъ въ Европѣ; національное стремленіе—идти впереди соединилось съ фанатическимъ стремленіемъ къ проповѣди новыхъ началъ и съ разсчетомъ успѣха только при всеобщемъ переворотѣ въ Европѣ, при замѣнѣ старыхъ правительствъ новыми. Явившееся плодомъ этихъ началъ воинственное движеніе со стороны Франціи не знало своихъ пре-

дѣловъ; переработкѣ европейскихъ государствъ не предвидѣлось конца. Со стороны остальной Европы вызывала это движеніе, благопріятствуя ему, слабость европейскихъ государствъ, особенно сосѣднихъ Франціи: Испаніи, Голландіи, Италіи и Германіи, и даже такихъ, какъ Австрія и Пруссія. Обязанность остановить воинственное движеніе Франціи, спасти Европу отъ французскаго деспотизма падала естественно на двѣ другія сильнѣйшія державы, Россію и Англію, и обѣ онѣ ясно сознавали эту обязанность въ то время, такъ какъ она соединялась съ самыми существенными ихъ интересами. Сознаніе необходимости для Россіи служить опорою Европѣ противъ завоевательныхъ стремленій Франціи, и вмѣстѣ сознаніе необходимости при этомъ англійскаго союза было ясно въ умѣ Екатерины 11 въ послѣднее время ея царствованія. Помѣха Екатерининской системѣ, происшедшая въ началѣ и концѣ царствованія ея преемника, имѣла печальные результаты для Европы, способствовавъ во Франціи образованію военной имперіи. Императоръ Александръ, вступивъ на престолъ, по примѣру бабки своей, поставилъ основнымъ правиломъ своей внѣшней политики начало недопущенія преобладанія Франціи въ Европѣ, а средствомъ для этого — соединеніе державъ въ виду общей опасности; между тѣмъ основнымъ правиломъ политики Наполеона было — разъединеніе державъ, чтобъ бить ихъ порознь. Въ первые семь лѣтъ своего царствованія Александръ строго держался этого начала и участвовалъ, хотя неудачно, во всѣхъ коалиціяхъ противъ Франціи; но послѣ разгрома прусско—русской арміи подъ Фридландомъ Наполеону удалось привлечь Александра на свою сторону и уединить отъ возможности союза съ другими державами посредствомъ Тильзитскаго мира (1807 г.).

„Раздѣлимъ міръ!“ сказалъ Наполеонъ Александру въ Тильзитѣ. Старая система была измѣнена: вмѣсто прежняго противоборства заступилъ союзъ съ завоевательною Франціею и собственныя завоевательныя движенія противъ сосѣдей. Но страшно тяжелая для Россіи и въ нравственномъ и въ матеріальномъ отношеніи, тильзитская система не могла быть продолжительной. Раздѣленіе міра между двумя императорами—друзьями было только на словахъ. Имѣя сильныя побужденія къ прекращенію тяжкой войны, предлагая тѣсную дружбу русскому императору, предлагая ему раздѣлъ міра, Наполеонъ тѣмъ самымъ признавалъ равенство его положенія съ своимъ, оставлялъ на континентѣ другую великую, независимую державу, къ которой по прежнему будутъ обращаться взоры всѣхъ, которую надобно было удерживать въ дружественныхъ отношеніяхъ, въ уединеніи отъ враговъ, манить выгодами... Никакое изъ этихъ средствъ не было пощажено, когда было нужно, чтобы Россія позанялась чѣмъ нибудь на востокѣ и не помѣшала Наполеону распорядиться на счетъ Пиринейскаго полуострова,—Наполеонъ разсыпался предъ Александромъ въ увѣреніяхъ „нѣжной преданности, постоянно твердилъ, что онъ не питаетъ никакого чувства зависти къ Россіи, желаетъ ея славы, ея счастія, разширенія предѣловъ, пускалъ туманъ Евфратомъ, Индіей, Стокгольмомъ.... На Эрфрутскомъ свиданіи дружба была снова скрѣплена: Наполеонъ согласился на присоединеніе Финляндіи и Дунайскихъ княжествъ къ Россіи; Россія обязалась быть заодно съ Франціей въ случаѣ войны австрійской. Россія исполнила свое обязательство; но Наполеонъ не былъ доволенъ медленностью движенія русскихъ войскъ. Явились и другія болѣе важныя причины неудовольствія. Свергая старыя дина-

стіи съ престоловъ европейскихъ, сажая около себя королями братьевъ и родственниковъ, Наполеонъ, съ другой стороны, старался укрѣпить свою династію брачными связями съ царственными домами Европы. Съ этого цѣлью онъ сталъ искать для себя руки великой княжны русской, сестры императора Александра; предложеніе было отклонено; Наполеонъ и безъ того тяготился тѣмъ, что былъ принужденъ признавать равенство Россіи съ своей имперіей, а тутъ ему давали чувствовать, что Россія, въ извѣстномъ отношеніи, не хочетъ признавать это равенство. Не имѣя возможности поразить Англію, какъ поражалъ континентальныя державы, Наполеонъ съ ожесточеніемъ преслѣдовалъ ея товары, запирая для нихъ всѣ гавани материка. Россія разорвала сношенія съ Англіею вслѣдствіе Тильзитскаго мира; она не допускала Англійскихъ судовъ въ свои гавани, но допускала суда нейтральныя, именно американскія, на которыхъ могли быть привозимы и англійскіе товары; Наполеону давали знать, что даже англійскіе купцы пробираются въ Россію подъ нейтральнымъ флагомъ. Чѣмъ сильнѣе хлопоталъ Наполеонъ о водвореніи континентальной системы въ Европѣ, тѣмъ сильнѣе раздражался, видя что на Востокѣ Европы не хотятъ проводить этой системы во всей строгости, и этимъ раздѣлываютъ его дѣло. Раздраженіе еще болѣе увеличилось, когда, прибѣгая къ разнымъ средствамъ для поправленія своихъ разстроенныхъ финансовъ, русское правительство издало тарифъ, облагавшій высокою пошлиною произведенія французской промышленности. Захватывая всѣ пути, которыми могли ввозиться на континентъ англійскіе товары, Наполеонъ захватилъ Ганзейскіе города, захватилъ владѣнія Герцога Ольденбургскаго, родственника русскаго импера-

тора. Россія протестовала. Протестъ этотъ былъ многозначителенъ для Наполеона; видно было, что между Россіею и Франціею произошло охлажденіе и являлась возможность коалиціи народовъ Европы противъ Франціи въ челѣ съ Россіей, особенно со стороны народонаселенія Германіи, выведеннаго изъ терпѣнія нравственнымъ униженіемъ и лишеніями матеріальными и пылавшаго ненавистью къ Французамъ. Вдобавокъ, шли сильные толки о томъ, чтобъ Императору Александру провозгласить себя королемъ польскимъ, и этимъ возстановить и Поляковъ противъ Наполеона, которыхъ, по Тильзитскому миру, онъ поставилъ постояннымъ пугаломъ противъ Россіи и Австріи, образовавъ герцогство Варшавское. Отсюда понятно, почему Наполеонъ такъ старался предупредить Россію, собрать громадное войско и явиться на ея границахъ въ достопамятномъ 1812 г. Прежде Россія двигала европейскія державы противъ Франціи; теперь Франція двигаетъ волею-неволею почти всѣ европейскіе народы противъ одинокой Россіи. Успѣхъ казался несомнѣннымъ! Поразить Россію въ самой Россіи, заставить ее пасть къ ногамъ побѣдителя, подчиниться всѣмъ его требованіямъ, значило подавить послѣднее сопротивленіе на континентѣ, значило нанести рѣшительный ударъ и самой Англіи, а съ Испаніей уже было тогда легко справиться. Вступая въ предѣлы Россіи съ войсками почти всей Европы, увѣренный въ своемъ торжествѣ, Наполеонъ рѣшился написать Императору Александру: «наступитъ время, когда Ваше Величество признаетесь, что если бы вы не перемѣнились съ 1810 г., если бы вы, желая измѣненій въ Тильзитскомъ трактатѣ, прибѣгли къ прямымъ, откровеннымъ переговорамъ, то вамъ принадлежало бы одно изъ самыхъ

прекрасныхъ царствованій въ Россіи. У Вашего Величества не достало стойкости, довѣрчивости и, позвольте мнѣ это вамъ сказать, искренности. Вы испортили все свое будущее».

Судьба рѣшила другое. Вся будущность Наполеона была испорчена походомъ 1812 г., и необыкновенная слава осѣнила того, кому онъ грозилъ порчею всего будущаго. Могущество Наполеона въ 1812 г. было разбито мужествомъ русскаго воинства, соединившагося тогда самыми тѣсными узами съ царемъ и народомъ, не желавшими подвергнуть свое отечество позору. «Если роду моему не царствовать болѣе на престолѣ предковъ»,—говорилъ Александръ, по полученіи извѣстія о гибели Москвы,—«я лучше отрощу бороду и пойду въ Сибирь питаться хлѣбомъ, нежели подпишу позоръ моего отечества! Наполеонъ или я, я или онъ, но вмѣстѣ намъ не царствовать»! Также думалъ и народъ. Мечтательное желаніе Наполеона—видѣть Александра на колѣняхъ просящимъ мира—не исполнилось. Товарищи его битвъ Египетскихъ, Италійскихъ, воины Аустерлица, Ауэрштедта, Ваграма—всѣ они погибли на снѣжныхъ поляхъ Россіи: Бородино, Малоярославецъ, Березина—все это могилы его храбрыхъ воиновъ. Несчастные для Александра и Россіи дни Аустерлица, Фридланда и гибели Москвы смѣнились радостно—побѣдными днями Лейпцига, Парижа... Часъ освобожденія Европы отъ деспотизма Наполеонова насталъ, и она возстала, увлекаемая побѣдами Россіи... Въ 1813 и 1814 гг. игрокъ игралъ до послѣдней крайности, чтобы разомъ все отыграть; но не отыгрался—и палъ. Страшная французская имперія рушилась отъ соединенныхъ силъ европейскихъ державъ, въ челѣ которыхъ стоялъ русскій императоръ. Въ первую минуту восторга,

произведеннаго паденіемъ Наполеона, русскій императоръ стоялъ на недосягаемой высотѣ, какъ освободитель Европы. Но прошли первыя минути восторга, и обнаружились другія чувства, другіе взгляды. Наполеонъ палъ, рушилась страшная французская имперія; но что выиграла Европа, когда съ этимъ паденіемъ поднялась на степень первой державы въ мірѣ и безъ того уже страшная своимъ могуществомъ Россія? Что выиграла Европа, промѣнявшая Наполеона на Александра, который благодаря могуществу своего государства, своимъ подвигомъ въ послѣдней борьбѣ, своимъ личнымъ достоинствомъ, помрачаетъ всѣхъ другихъ монарховъ и распоряжается всѣмъ? Благоразуміе не требуетъ ли соединиться въ виду страшной опасности, грозящей теперь съ востока, какъ передъ тѣмъ соединялись противъ властолюбія Наполеонова? Эти враждебныя намѣренія уже выразились на Вѣнскомъ конгрессѣ, на который съѣхались союзные монархи для окончательнаго разрѣшенія страшно запутанныхъ европейскихъ дѣлъ, такъ какъ отъ береговъ Таго до предѣловъ Россіи половина материка Европы лежала въ развалинахъ, и только вторичное появленіе Наполеона во Франціи предотвратило разрывъ между союзниками и сдѣлало возможнымъ соглашеніе между державами. Вѣнскимъ конгрессомъ, по настоянію Александра, образовано было царство Польское, которое было присоединено къ Россіи и получило отъ Александра конституцію, сходную въ главныхъ чертахъ съ хартіею, данною Франціи Людовикомъ XVIII.

По возстановленіи порядка и спокойствія въ Европѣ посредствомъ рѣшеній и договоровъ Вѣнскаго конгресса, мысль

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

Императора Александра остановилась на томъ, чтобы охранить Европу отъ тѣхъ потрясеній, какія испытала она со времени французской революціи, и онъ полагалъ, что единодушіе трехъ такихъ первенствующихъ въ Европѣ Государей, какъ онъ самъ, Императоръ Австрійскій и Король Прусскій, будетъ служить вѣрнымъ средствомъ для достиженія такой цѣли. Вслѣдствіе этого, по идеѣ Императора Александра, былъ заключенъ между нимъ, Францемъ I и Фридрихомъ-Вильгельмомъ такъ называвшійся «Священный союзъ». Эти три монарха, не смотря на принадлежность свою къ тремъ различнымъ исповѣданіямъ христіанской церкви, приняли на себя обязательства руководиться, какъ во внутреннемъ управленіи своихъ государствъ, такъ и въ своихъ отношеніяхъ къ прочимъ правительствамъ, исключительно предписаніями христіанской религіи, заповѣдями правды, мира и любви, оказывать другъ другу пособіе и содѣйствіе и пригласить всѣ другія державы къ признанію началъ священнаго союза. Такимъ образомъ, изъ хаоса войнъ и бурь, какъ радуга послѣ мрачной грозы, возникло прекрасное явленіе союза политики съ религіей и человѣколюбіемъ, обѣщавшее, какъ казалось, счастливую и благополучную будущность истощенному и жаждавшему отдыха континенту. Но, къ сожалѣнію, религіозно-идеальныя начала священнаго союза не привились къ христіанской Европѣ, и причиной тому была непосредственно послѣдовавшая за нимъ реакція, орудіемъ которой и сдѣлался священный союзъ, особенно въ рукахъ Австрійскаго государственнаго канцлера, князя Меттерниха, запутавшаго въ сѣти своей политики и человѣколюбиваго и свободолюбиваго Императора Александра.

Великія событія и перевороты, ознаменовавшіе первые пятнадцать лѣтъ нашего столѣтія, оставили глубокій слѣдъ и на личномъ характерѣ Императора Александра, и отразились на всей его послѣдующей внутренней и внѣшней дѣятельности. Душа его, потрясенная напряженіями и усиліями, къ какимъ вынуждала его воинственная и обильная событіями эпоха, унесшая, конечно, значительную долю его нравственныхъ силъ, искала теперь отдохновенія и покоя и отдалась сильному религіозному настроенію. Конечно, эта перемѣна въ характерѣ Александра, не могла не отразиться и на его образѣ мыслей и дѣйствіяхъ какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ. По отношенію къ Европѣ дальнѣйшее его вліяніе на ея дѣла ограничивалось только поддержаніемъ началъ священнаго союза и охраненіемъ порядка, установленнаго Вѣнскимъ конгрессомъ, подъ сильнымъ воздѣйствіемъ реакціонной политики Меттерниха. Новыхъ войнъ онъ уже никакихъ не предпринималъ и не участвовалъ въ нихъ въ союзѣ съ какою либо европейскою державою. Только въ самый послѣдній годъ своего царствованія, подъ движеніемъ чувства гуманности, онъ рѣшился было принять энергическія мѣры противъ Турціи, совершавшей въ ту пору надъ греками такія же варварства, какія въ прошломъ году приводили насъ въ ужасъ и содроганіе при извѣстіи о поголовной рѣзнѣ, устроенной турками въ Болгаріи; но къ несчастію преждевременная кончина воспрепятствовала ему исполнить свое гуманное намѣреніе. Изъ внутреннихъ дѣлъ этого періода его царствованія, какъ свѣтлое явленіе, слѣдуетъ отмѣтить приведеніе имъ хотя отчасти къ осуществленію мысли объ освобожденіи крестьянъ, которая занимала императора съ самаго его вступленія на престолъ. Въ 1816 г.

былъ сдѣланъ первый шагъ въ этомъ отношеніи утвержденіемъ положенія для эстляндскихъ крестьянъ, распространеннаго потомъ на лифляндскихъ и курляндскихъ, по которому крестьянамъ предоставлена личная свобода, но безъ опредѣленнаго надѣла землею. Этимъ опытомъ было положено начало великому дѣлу всеобщаго освобожденія крестьянъ въ Россіи, которое составило блестящую страницу въ исторіи нынѣшняго царствованія. Всѣ другія внутреннія мѣры Императора Александра, совершенныя имъ подъ давленіемъ иностранной реакціонной политики, а также подъ вліяніемъ мистической религіозности, овладѣвшей имъ въ періодъ возникновенія священнаго союза, носятъ на себѣ по большей части реакціонный отпечатокъ, который и составляетъ общій характерный признакъ этого послѣдняго періода царствованія Александра I. Онъ умеръ 19-го ноября 1825 г., въ Таганрогѣ.

М. Г. Обозрѣвая время царствованія Александра I и его личное отношеніе къ различнымъ явленіямъ его времени, нельзя не замѣтить рѣзкихъ противоположеностей, какъ въ его личномъ характерѣ, такъ равно и въ тѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ отношеніяхъ нашей тогдашней жизни, обусловливаемыхъ его личнымъ характеромъ. Эти противоположности въ значительной степени объясняются условіями его времени. Вспомнимъ, что поколѣніе, котораго Императоръ Александръ былъ представителемъ, стояло на границѣ двухъ вѣковъ, восемнадцатаго и девятнадцатаго, когда событія послѣдняго десятилѣтія XVIII в. произвели въ Европѣ переворотъ во взглядахъ и отношеніяхъ, съ явнымъ стремленіемъ пересоздать общества на новыхъ началахъ. Вспомнимъ, что вліяніе западно-европейскихъ явленій того времени, вслѣдствіе близкого соприкосновенія съ

европейскою жизнію, отражалось на образованномъ русскомъ обществѣ тогда очень сильно, и мы поймемъ, что застигнутое этимъ новымъ потокомъ поколѣніе должно было выдержать первый напоръ отъ усиленныхъ вліяній запада, тамошнихъ порывистыхъ движеній впередъ и соотвѣтственно порывистыхъ отступленій назадъ или реакцій. Не могши, по своему положенію, быть простымъ зрителемъ этихъ движеній, при сознаніи своихъ средствъ, дававшихъ возможность могущественнаго участія и рѣшенія, Императоръ Александръ естественно призналъ своею задачею какъ внѣшнее, такъ и внутренее успокоеніе народовъ, примиреніе борющихся началъ. Задача великая и обольстительная; но легко-ли она выполнима? Своимъ примѣромъ Императоръ Александръ доказалъ, что примиреніе борющихся началъ, выработанныхъ исторіей, примиряется не усиліями отдѣльныхъ лицъ, а опять таки той же исторіей, при посредствѣ которой они и появляются на сценѣ міра.

М. Лилеевъ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

K. II. 6117/1243.